

Наталья Гончарова

Путеводная звезда

12+

Наталья Гончарова

Путеводная звезда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67185185

SelfPub; 2022

Аннотация

Начинающая писательница Фелицата Фетисова, после многочисленных отказов издательств опубликовать ее роман, обнаруживает, что, причина тому не отсутствие таланта, а тот факт, что рукопись, попросту, никто не читает. Потерпев очередную неудачу, разгневанная несправедливостью, и пылающая праведным гневом, Фелицата уже готова бросить попытки стать писательницей, если бы не случайное знакомство с самым прославленным издателем Петербурга Капитановым ... Вот только знакомство, начинается с невинного обмана... Но станет ли это помехой для настоящей любви? Повесть «Путеводная звезда» посвящается Всем, кто вложив душу в свою рукопись, так и не получил ответа. И если чудо случилось с Фелицатой, кто знает, может это самое чудо, может случиться с каждым из нас.

Наталья Гончарова

Путеводная звезда

Петербург, ноябрь 1900 г.

Мороз стоял совсем не ноябрьский, изредка пролетали одинокие снежинки, в воздухе кружились мириады влажных крупинок, на лету превращаясь в ледяную пыль, и отяжелев, медленно оседали на окаменелые деревья, сиротливо стоящие вдоль мостовой. В свете газовых фонарей все казалось волшебным и нереальным, а предметы, под плотным слоем снежного песка переливались бриллиантовым блеском, не хуже настоящих алмазов. Фелицата, обладая живым воображением, могла бы восхититься всей этой сказочной красотой, если бы не застыла до крайней степени окоченения. Тот факт, что буквально несколько минут назад пальцы на ногах лишь неприятно покалывало, а теперь они и вовсе перестали отзываться, потеряв всякую чувствительность, вселял не только беспокойство, но и страх, страх который вселяет во всякого человека холод, ибо перед холодом мы ощущаем себя как никогда бессильными и безвольными, впрочем, как и перед любой другой неподвластной нам стихией.

Кожаные сапожки задубели, и стали напоминать деревянные голландские башмаки, издавая при каждом шаге по замерзшей мостовой тревожный и гулкий стук, а шляпка, оде-

тая не к месту и не ко времени, скрипела не хуже ржавого флюгера. Недовольно поморщившись и кляня себя за неправильный выбор одежды, она зябко пошевелила пальцами, на сей раз руки, но поняв, что усилия тщетны, лишь ускорила шаг. По крайней мере, это еще оставалось в ее власти.

К счастью, вскоре появилась вывеска кожевенной лавки, затем пекарня. Стало быть, она совсем близко, и все таки, стоило взять экипаж, даже если путь недалек, что за вожжа ей попала под хвост, что за мысль пришла в ее голову, мало того что оделась красиво, а не тепло, так еще и начала коптить деньги, подвергая себя разного рода неудобствам, и это в такой то холод, все же дурные мысли следует приберегать до лета, – подумала Фелицата.

Шаг, два, три, и вот она уже перед красивейшим четырехэтажным зданием с огромной каменной лестницей поглотившей едва ли не половину мостовой, и посягающей на большее, если бы не нежный, но твердый плен кованых перил. В огромных витражных окнах, несмотря на поздний час, все еще горел свет, а внутри, словно муравьи в муравейнике мелькали работники типографии. Она высоко подняла голову, чтобы детально рассмотреть этого сказочного гиганта, с высоты своего совсем не великого роста, едва ли что-то можно было увидеть, кроме лестницы, впрочем, поднимать голову приходилось нередко, а точнее тогда когда предмет ее интереса располагался чуть выше метра пятидесяти. В при-

глушеним свете фонарей, на фоне фиолетово-черного неба готический гигант с устремленными вверх пиками крыш мог бы вселять трепет если бы не портившая эффект огромная золотая вывеска с надписью «Товарищество скоропечатни А.В. Капитанова», с обеих сторон которой, красовались вычурные золотые пальметты в стиле ампир, декор тривиальный и помпезный, но столь любимый богачами по всей России, от столицы до самой глухой провинции.

– Верно тщеславие, не тот порок с коим надобно бороться, по разумению господина Капитанова, – подумала Фелицата, любясь всей этой роскошью, впрочем, не без скептицизма, – скорее в этом месте, сей порок тщательно оберегали, пестовали и взращивали, верно, почитая за добродетель, – с ухмылкой продолжив мысль, – Что ж, ежели есть деньги, и никто вас ни в чем не ограничивает, отчего бы и не почудить, – в конце концов, рассудила Фелицата, решительно шагнув в издательство.

К слову сказать «Товарищество скоропечатни А.В. Капитанова» славилось не только своим зданием, но и тем, что являлось самым крупным и прославленным издательством Петербурга, не было такого заказа, будь то книга с редкими авторскими иллюстрациями или огромный тираж в кратчайшие сроки, который им был бы не по плечу. Что ж, это было не первое издательство, куда Фелицата принесла свою рукопись романа, но совершенно точно последнее, и не потому, что вдохновение оставило ее или она решила бросить затею

стать писателем, а скорее потому, что больше издательств, которым она еще не успела нанести визит в городе попросту не осталось. И раз уж поиски того, кто бы оценил ее труд по достоинству, до сей поры все еще не были окончены, стало быть, в прошлом, ничего кроме отказа Фелицата пока не получала. Так, что продвигаясь от малого к большому, она, наконец, дошла до самого конца своего списка, а это значит, самое крупное и именитое издательство она оставила напоследок.

После первого отказа Фелицата Фетисова немного погрузила, но не дольше получаса, а на завтра с тем же воодушевлением, ну или почти тем же, отправилась в следующее. Второй отказ опечалил ее и слегка пошатнул уверенность в себе, но вновь ненадолго, не более чем на сутки. После третьего: «Премного благодарны за интерес к нашему издательству, но... Ваш роман не подходит нам», Фелицата совсем упала духом, разуверилась в себе, выбросила с горя перо и бумагу прямо в форточку, затем бегала по дому целый час, а может и сутки, долго бранилась, в чем ей к счастью помогали батюшка с матушкой, не меньше ее пылающие праведным гневом. В конце концов, она поклялась не писать больше ни строчки, пусть даже в поздравительных открытках, немного всплакнула, и уже готова была зажить прежней жизнью, как вдруг заметила, что листы рукописи, вернувшейся к ней, не солоно хлебавши, склеены чем то липким и сладким. В памяти всплыл тот день, день визита в третье издательство, она так

торопилась, потому что по обыкновению опаздывала, кроме того находилась в обычном для нее состоянии лихорадочной эйфории, что не заметила, как измазала часть листов сладким и липким ревневым вареньем. И сейчас, глядя на накрепко спаянные «сладкие листы» своей не менее «сладкой» рукописи, она поняла, что вид они имеют девственно нетронутый, стало быть, роман, не то что, никто не читал, но даже не брал в руки. Фелицата, хотя и обладала острым умом, но в делах коммерческих, а следовательно, в делах обманных, была не искушена, и совершенное ею открытие, имело для нее значение, сравнимое разве, что с открытием Ньютоном гравитации, с той лишь разницей, что вместо яблока, добрую службу ей сослужило простое русское варенье. Гнев ее был неизмерим, ибо одно дело, принять боль поражения в честном бою, и совсем другое, быть разбитым врагом, задолго до его начала. Вложив все сердце и всю душу в свой роман, она почувствовала разочарование, бессилие и такую тоску, которую можно почувствовать лишь тогда, когда разговариваешь в пустоту, а пустота как известно, не самый лучший собеседник. И потом, если тебя никто не хочет слушать, это совсем не значит, что тебе нечего сказать, и уж тем более это не значит, что твои мысли бессмысленны. Словом, она в первый раз в жизни встретила лицом к лицу с крайним проявлением пренебрежения и не желанием слушать, основанном на укоренившемся в сознании собеседника предубеждении, растворившем и обесценившем все, чтобы изложено

ею на бумаге. И если собеседника, имеющего отличную от тебя точку зрения, еще есть возможность, склонить на свою сторону и доводами и аргументами, то человека заведомо не желающего тебя слушать из высокомерия, склонить на свою сторону невозможно.

Но Фелицата была слишком молода, чтобы смиренно принимать уроки жизни, следовательно, к походу в четвертое издательство она подошла обстоятельно. Все листы «ценной» рукописи, были тщательно и незаметно проклеены, и переданы в редакцию. Попытка, ожидание... и вновь отказ. А накрепко склеенный срез бумаги не оставлял сомнений: ее никто и не читал.

Сия печальная, но жизненная история, повторилась, аккуратно, еще три раза, и самое время уже бросить попытки, но с острым умом юной, ну или не совсем юной писательницы, могли соперничать только ее упрямство и неумная энергия. Так, что по обыкновению, незаметно склеив рукопись, она направилась в последнее по списку, но не последнее по значимости издательство «Товарищество скоропечатни Капитанова». Впрочем, больше наивных надежд она не питала, но и сдаваться, пока мачта тонущего корабля все еще возвышается на гладыю моря, было рано. Вот уйдет под воду... впрочем... после этого, тоже еще можно немного побарахтаться.

Стремглав вбежав по крутой скользкой лестнице, словно цирковой артист, ибо едва ли это было изящно и женственно, она оказалось в огромном душном и шумном помещении

типографии. Кругом листы, листы, стопки листов, и снова листы, связанные холщевкой и лежащие по отдельности, и грохот, и стук, и шелест, и такой упорядоченный хаос, который ни в одном месте земли больше и не сыщешь, разве что в кузнице, впрочем, в этом и в том деле было много сходства, с той лишь разницей, что ковали здесь не металл, а слово.

Фелицата, возбужденная, всклокоченная и раскрасневшаяся после мороза, а следовательно, готовая к бою, походила на безумного корсара, попавшего волею судьбы на ни в чем не повинное рыболовецкое судно. Впрочем, находясь в круговерти книгопечатного дела, те немалые работники, которые все еще трудились в этот уже поздний час, как бы она не выглядела, и что бы на ней не было надето, не обращали на нее никакого внимания. Она, попыталась окликнуть одного, но тот даже не взглянул на нее, второго, и снова молчание, в конце концов, встав на пути у третьего, она громко выкрикнула, стараясь пробиться сквозь весь этот гул и шум и скрип:

– Позвольте спросить, где я могу узнать по поводу рукописи? Я отдавала ... – но не позволив ей договорить, работник безразлично указал на крутую винтовую лестницу, ведущую наверх и тотчас испарился.

– Спасибо, – пробормотала Фелицата куда-то в пустоту, и отправилась на второй этаж. Методом проб и ошибок, найдя, наконец, отдел приемки рукописей, она оказалась в маленьком и узком кабинете, скорее даже кабинетике, больше походившем на архив, где из-под кип бумаг виднелись лишь

напомаженные на прямой пробор белесые волосы и усталые грустные испещренные мелкими морщинками водянисто голубые глаза младшего редактора.

– Доброго Вам вечера, скажите по..., – начала было Фелицата, но и как минуту назад, собеседник, мало заботясь о соблюдении приличий, перебил ее.

– Фамилия, Имя, Отчество.

– Фелицата, Фетисова, Александровна, – перепутав от волнения слова местами, уже недружелюбно ответила та, впрочем, быстро осеклась, как ни крути, именно от этих людей зависела ее творческая жизнь, и невероятным усилием воли вновь натянула на свои замерзшие губы улыбку, улыбку походившую больше на оскал деревянного рождественского шелкунчика, нежели на подлинное радушие.

Человек с уставшими глазами, шурша и вздыхая, исчез под кипой рукописей, затем через минуту вновь появился и в щель между стопками бумаг просунул, хорошо знакомую, но уже изрядно потрепанный роман, с по-прежнему плотно склеенными листами. Он даже не потрудился ей что-либо объяснить, хотя, итак было все понятно. Опять отказ.

Праведный гнев юной, хотя и не совсем юной писательницы, словно лава самого страшного вулкана готов был затопить собою все вокруг, в том числе и ее саму, сжигая, испепеляя и превращая все живое на своем пути в мертвую пустыню, усыпанную лишь пеплом да пожухшими обрывками сгоревших рукописей. Казалось, машина книгоиздатель-

ства только что поглотила, переживала ее своими огромными ржавыми зубами и выплюнула за ненадобностью.

– В-в-в-вы, вы даже не читали! – сотрясаясь от гнева, вскрикнула Фелицата.

Казалось лишь после этих слов, что-то живое промелькнуло в его светло-голубых глазах, но едва загоревшись, потухло, погребенное под слоем вековой бумажной пыли.

– Барышня, что же вы думаете, только вы лавровый венок хотите, вот, поглядите-ка, – и он глазами обвел кипы бумаг, – понапишете бездарные каракули, а через минуту славы ждете, а вы постойте-ка, за славой, как другие стоят, может и до вас очередь дойдет, а может не дойдет, тут уж кому как повезет, так что, ступайте, ступайте, лучше путным делом займитесь, так-то, барышня, это для вас гораздо полезней будет, я вам скажу. Уж поверьте мне.

– Но как же вы можете знать, что это бездарно, если вы даже не читали!!! – Вскрикнула она от досады и отчаяния! – Ее последний шанс издать свою книгу, разбилась вдребезги, а осколки лежали прямо перед ее глазами, как немой укор.

– Да если бы я все это читал! – фыркнул тот и замолчал, после чего вновь уткнулся в стол, ясно давая понять, что разговор окончен.

Едва ли Фелицата разбирала путь от кабинета младшего редактора до двери выхода, перепрыгивая через ступеньки, преодолевая рывком пролеты, наполненная гневом, словно дирижабль газом, и также как дирижабль, была взрывоопас-

на.

Рывком открыв дверь, она не разбирая дороги опрометью вылетела на улицу, но тотчас врезалась во что-то огромное, и, отлетев на метр, словно резиновый шарик от стены, покачнулась и скользя на деревянных, но уже порядком оттаявших каблуках, кубарем скатилась с лестницы, так что склеенные листы рукописи, наконец, обретя свободу, рассыпались по брусчатой мостовой, а сама она едва не вылетев на дорогу, к счастью чугунное ограждение, остановило ее инертное движение, приземлилась прямо на живот.

От резкого удара, дыхание остановилась, и, хватая воздух огромными глотками, Фелицата с трудом начала приходить в себя, а сознание, затуманенное не столько падением и ударом, сколько гневом, постепенно возвратилось. И, о, ужас! Она лежит на мостовой, в совершенно не комплементарной для барышни позе, а сверху на нее смотрит некий господин, то, что это был именно господин не было никаких сомнений, так как лишь господа носят такие огромные туфли, кои она имела несчастье лицезреть в опасной близости от своего покрасневшегося носа.

В тот день, отменно отужинав в ресторации, Аркадий Вениаминович Капитанов, не изменяя традиции, велел своему извозчику возвратиться в контору. Как бы не складывался его день, он взял себе за правило, возвращаться в издательство. С молодых лет он усвоил истину, что дело идет ладно, лишь тогда, когда не теряешь над ним контроль, ни днем, ни

ночью, так что если даже он иногда позволял себе слабость, предаться делам праздным во время рабочей недели, то в конце рабочего дня непременно наносил визит в издательство. Может от того оно и процветало, а каждый кто работал в нем двигались так хорошо как могут двигаться лишь отлаженные шестеренки, в хорошо смазанной маслом машине, ибо неизменно находились под неусыпным надзором своего начальника. Что ж... по крайней мере так ему казалось.

В общем, в тот злаполучный для Фелицаты день, Аркадий Вениаминов, чье имя красовалось на золотой вывеске, лихо вбежал по скользкой фронтальной лестнице, отметив про себя, что надобно ее почистить, и какой он все таки молодец, что не одну то деталь не упускает, что не будь он столь внимателен, нерадивые работники уже давно бы довели его до разорения и пустили по миру. Устремив голову вверх он не поленился еще раз полюбоваться на затейливый и вычурный ампир на вывеске, и на свое ладное имя отливающее золотом в свете тусклых газовых фонарей. Чувство удовлетворения и гордости приятно согрело душу, не хуже самого дорого вина или ласки самой обворожительной кокетки. Перед его глазами всплыла маленькая коморка с одной лишь типографской машинкой и станком, где он начинал, а сейчас ... И не успев додумать фразу, впрочем, о чем бы он не начинал, заканчивал мысль он неизменно похвалой самого себя, хотя сейчас едва ли это было важно, словом он потянул ручку двери на себя, как вдруг от гулкого удара едва не потерял равнове-

сие, а нечто, абсолютно не издав ни звука, провальсировало словно заводной волчок, аккуратно до последней ступеньки, а потом кубарем скатилось с лестницы, ему даже показалось, что в ворохе падающих листов бумаги он успел рассмотреть пару женских ног и кремовые панталоны, хотя может все это ему лишь привиделось.

Растерявшись от неожиданности, Аркадий Вениаминович, к счастью, быстро пришел в себя и поспешил даме на помощь. Это оказалось вполне миловидная юная барышня, хотя может и не совсем юная, в полумраке, поди разбери, однако несмотря на плохое освещение, тот факт, что ее щеки, горели красным пламенем, не вызывал никаких сомнений. Она сделала неудачную попытку подняться, после чего в нежно-голубых глазах появилось отчаяние, что не могло не растопить душу истинного джентльмена, а Аркадий Вениаминович, конечно же, считал себя истинным джентльменом. Словом, в рыцарском порыве он предложил ей руку, и с любезностью, на которую только был способен, заговорил нежным голосом слаще еляя:

– Милая барышня, мне право слово так неудобно, простите меня великодушно, даже если я не виноват, разрешите вам помочь, но ей Богу, вы так стремительно выскочили из двери, едва ли кто-то мог бы предугадать ... – Он рассчитывал, что сейчас барышня растает, и от его помощи, и от того как он галантен и обворожителен, и уже предвкушал насладиться женским восхищением в ответ, к коему, сказать по чести,

был приучен, но вновь был сбит с толку, ничуть не меньше чем минуту назад был сбит с ног ею самой.

Девушка не только не воспользовалась предложенной рукой, но даже не удосужилась ответить, вместо этого она в одно мгновение поднялась, деловито отряхнулась, чуть сморщила носик, потерла колено, а затем гневно воззрилась на него.

– Вы стоите на моей рукописи... – сквозь зубы процедила она.

– Что? – опешил Капитанов.

– Рукопись! – и она устремила руки вниз.

Он удивленно посмотрел на то место, куда указывает разъяренная барышня, поняв, что стоит на пачке уже порядком намокших и грязных бумаг, испуганно попятился, и вновь посмотрел на нее, но уже без прежней уверенности в себе.

Девушка с отчаянным рвением принялась собирать уже не белые листы бумаги, исписанные мелким каллиграфическим девичьим почерком, которые ветер норовил унести и запрятать во дворы, верно, чтобы в минуты затишья прочесть их.

Во время сбора бумажного урожая, девушка не только не обращала на него внимание, но и без всякого стеснения, что-то разъяренно бубнила себе под нос, едва ли он мог разобрать все, что та говорила, но то, что он услышал, заставило его покраснеть. Мало того, что ею было произнесено такое

огромное количество слов, которые употреблялись взрослыми мужчинами разве что в кабаке на пристани, так в довершении ко всему некоторые из них он вообще услышал впервые, это в свои то почти сорок лет, но самое большое потрясение, настигло его тогда, когда он понял, что все эти слова, были адресованы не кому иному, как ему и его издательству.

Он переводил взгляд с оставшихся на снегу листов рукописи, на разъярённую девушку, затем вновь на листы, и снова на нее, быстро соединив все события минувших десяти минут воедино понял... По всей видимости, девушка, не иначе как начинающий автор, а гнев, заставивший ее кубарем скатиться по лестнице, был вызван ничем иным, как результатом полученного отказа.

Сообразив, что к чему, он как всегда остался чрезвычайно собой доволен, хотя, конечно, вместе с тем немного огорчен, узнав, что его мир, держащийся на убеждении, что все его уважают, почитают и прислушиваются, словно на трех китах, немного пошатнулся. Впрочем, несмотря на смешанные чувства, так похожие на легкое щекотание внутри, отбросив тень сомнений, Аркадий Вениаминович принялся помогать девушке, расторопно собирая разбросанные тут и там листы бумаги, впрочем, не слишком заботясь об их нумерации.

Отчего то, он и сам не мог понять причину, ему отчаянно захотелось заслужить ее расположение, так что, собрав, все, что лежало под ногами, и даже больше, пару раз побегав туда-сюда, за теми листами, которые, словно намереваясь об-

рести свободу, уверовали, что они птицы, и по зову то ли сердца, то ли ветра, стремились ввысь, но были пойманы и отправлены к своим менее удачливым собратьям. Он гордо протянул девушке свой улов, и дружелюбно улыбнулся. Их руки, на миг соприкоснулись, и он не без сочувствия заметил, что ладошка барышни холодна, словно лед.

– Спасибо, – уже мягче ответила она и пристально посмотрела ему прямо в глаза. Алые губки, сложенные в бантик, изогнулись в очаровательной улыбке.

От этой улыбки, Аркадий Вениаминович вдруг почувствовал себя и опьяненным, и поглупевшим, и податливым, и мягким, словно растопленный жарким огнем воск.

– Милая барышня, к сожалению, не знаю Вашего имени, разрешите полюбопытствовать..., – проблеял он словно неокрепший, и с трудом стоящий на льду барашек. – Ну что за напасть нашла на него, ведет себя, как новорожденный, – подумал Капитанов, – едва ли он сам мог объяснить, что с ним такое происходит.

– Фелицата Александровна, – ответила девушка, сначала дружелюбно, затем стала меняться в лице, и вот опять метаморфоза: милая девушка начала превращаться в разъярённую фурию, ноздри гневно раздуваются, глаза сощурились, он готов был поклясться, что каждый волосок на ее прекрасном миниатюрном теле, встал дыбом как у кошки.

– Разрешите теперь мне полюбопытствовать, уж не работаете ли вы, сударь, в «Товариществе скоропечатни А.В. Ка-

питанова»? – злобно пропищала она.

Аркадий Вениаминович не был робкого десятка, но лишь до той поры, пока не встретил Фелицату Александровну, так что, руководствуясь не только желанием понравиться барышне, но и инстинктом самосохранения, немного попятился назад, а затем заявил:

– Ну что Вы, и пес бы не стал, такую дрянную контору охранять, я право слово здесь по делу, я стряпчий, А-а-а-анатолий Ва-ва-а-аалентинович Кка-ка-ка-ка-капитанов, (у-у-у-у-уф, выдохнул Капитанов, не то чтобы ему первый раз в жизни пришлось солгать, но никогда прежде врать не было так тяжело). – Я знаете ли, забыл по рассеянности некие важные бумаги, по одному конфиденциальному делу, оттого и не могу сказать по какому, вот и воротился. А как Вы здесь оказались прелестная барышня, в столь поздний час?

Фелицата посмотрела на него лукаво и засмеялась, толи ей комплимент пришелся по вкусу, то ли негативная оценка издательства, словно бальзам на душу, но взгляд стал гораздо благосклоннее.

Мужчина и правда пришелся Фелицате по нраву, хотя и вид имел слегка жуликоватый, впрочем, какой стряпчий не имеет жуликоватый вид. Может все дело в его ловко подкрученных рыжих усах, или хитрых и умных черных глазах, а может тому виной этот крупный нос с горбинкой, впрочем, какое это уже имело значение, когда амур за спиной решил сыграть в старую как мир игру.

Легкое сомнение кольнуло Фелицату где-то в районе под-реберья, уж не слишком ли дорого одет этот стряпчий, и не слишком ли роскошен его синий сюртук из толстого, но нежного английского сукна, но думать не хотелось, да уже и не могло.

– Ох, Анатолий Валентинович, как я здесь очутилась, как я здесь очутилась, хм... верно по наивности, так как самонадеянно полагала, что за громким именем скрывается и честь и правда, но не найдя ни того ни другого лишь ушиблась, – и мило нахмутив носик потеряла правую ягодицу, отчего Аркадий Вениаминович судорожно сглотнул, но не проронил ни слова. Однако Фелицата, не обратив на это ни малейшего внимания, продолжила: – Едва ли Господин Капитанов может претендовать на такую благородную фамилию, с таким высоким званием. Как же, Капитанов он! Матросов он! Не больше! А паруса его ржавой бригантины тянет команда слепых глупцов!

– Г-г-гребцов? – заикаясь переспросил он.

– ГЛУПЦОВ! – отчеканила Фелицата. – Именно они сбивают его посудину с правильного курса. – Все это барышня сказала, хотя и впопыхах, но твердо и уверенно, к тому же сии умозаключения дискуссии не подразумевали, а должны были быть приняты собеседником за истину, и как нечто самой собой разумеющееся.

Аркадий Вениаминович, получив столь не лестный отзыв о своем издательстве, чуть не пошатнулась, словно от

боксерского удара, нанесенное точно в солнечное сплетение. Сперва он даже хотел было что-то резко возразить, но вовремя спохватился и смолчал, нервно теребя свой пышный рыжий ус.

– Позвольте же, чем же они Вас так обидели, хотя я бывал здесь не часто, и знаю работников лишь поверхностно, но все они производили пример людей трудолюбивых и порядочных, я и представить не могу, как и чем они могли вас оскорбить, Вас столь хрупкое и нежное создание... Ей Богу, в толк не возьму, – спросил он, с трудом сдерживая, съедающее его любопытство. – Не томите же, расскажите, что же вызвало Ваш гнев? – не унимался Капитанов, – он даже поддался вперед, не желая потерять ни одного ценного слова.

– Не важно, – махнула рукой Фелицата, она только сейчас, когда гнев начал стихать, а ярость перегорела, словно хворост в камине, ощутила как холод вновь начал пробираться ее до костей. Она зябко поежилась, осознавая, что в довершении ко всему еще и повредила колено. Словом, запал прошел, и теперь она почувствовала себя опустошенной, несчастной и одинокой, стоя посередине замерзшей мостовой с совершенно незнакомым человеком, на которого, зачем то выплеснула весь свой гнев, о чем теперь отчаянно жалела.

– Простите меня великодушно, Анатолий Валентинович, барышне не пристало давать волю гневу, да еще и перед ни в чем не повинным человеком. Слава Богу, свидетели этой

позорной сцены лишь Я, Вы и звезды. Но вы я чувствую, я знаю, Господин благородный, стало быть, и в будущем ни словом, ни намеком не обмолвитесь никому о том, что произошло здесь и сейчас. Но мне пора, простите, что вот так вылетела из двери...

– Даже не берите в голову, – перебил ее Капитанов. Видя, как она зябко переминается с ноги на ногу, простил ей в одночасье и Матросова, и Ржавую бригантину, словом все, что она наговорила в порыве гнева, вольно или невольно. – Позвольте мне вас довести, далеко ли вы живете, мой извозчик..., – и он сразу осекся. – Мой хозяин, представляет мне извозчика, и не слукавлю, если скажу, что он находится до определенного часа в полном моем распоряжении, право слово, как карета для золушки. Позвольте же, мне сослужить вам хотя бы малую службу, монетой не возьму, но по дороге, обещаете рассказать мне историю, чем же вас обидели, в этой презренной типографии, ведь это место и издательством то не назовешь, – продолжил он. Казалось еще минуту, и он сам воспыхает неприязнью к своему же собственному детищу. – Тем более, так редко, бывает, чтобы между незнакомыми людьми, вот так в одночасье, возникает и доверие и понимание, это ли не ценно... – заключил Капитанов.

Фелицата с благоговением посмотрела на этого высокого Господина, в свете газовых фонарей, казалось, его усы начали отливать золотом, а над головой засветился нимб. И отбросив все сомнения, она согласилась принять столь вели-

кодушное предложение, тем более возвращаться пешком одной в такой холод совсем не хотелось.

Давно Фелицата не ездил в столь роскошном экипаже, Анатолий Валентинович был обходителен и любезен, укрыл ей ноги меховой накидкой, окружил ее таким вниманием и такой заботой, что разомлев, она почувствовала себя настолько свободно, насколько чувствовала себя свободной на диване у своего батюшки под вышитым маменькиным пледом.

Ход лошади был неспешный, улицы Петербурга были запружены повозками, неторопливыми и медлительными конками, телегами, бричками, и еще бог весть чем, и конечно же пешеходами, которые будто муравьи сновали везде и всюду. Торопи не торопи лошадей, а быстрее не поедешь, впрочем, пассажиры этого экипажа были тому только рады.

– Фелицата Александровна, помнится, вы обещали мне рассказать, что за злоключение с вами произошло. Кто Вас обидел, не томите же. Как жаль, порой, что былые времена прошли, ежели узнаю, что с вами поступили недостойно, ей Богу, возьмусь за шпагу, – высокопарно заявил Капитанов, и кажется сам в это уверовал.

Фелицата весело засмеялась, польщенная столь пылким порывом.

– Полно Вам Анатолий Валентинович, разве же меня можно обидеть, вы за меня можете не волноваться, не тот я человек, который себя в обиду даст, – хвастливо заявила Фелица-

та, словно и не она час назад задышалась от гнева и едва ли не готова была расплакаться прямо на виду у этого почтенного, но незнакомого господина. В глубине сознания внутренний голос, шепнул ей, что барышня должна быть и скромной и кроткой, и еще Бог весть какой, но Фелицата редко слушала свой внутренний голос, не стала она слушать его и в этот раз, и продолжила: – Я знаете ли, Анатолий Валентинович, писательница, на моем счету уже несколько рассказов и повесть и романы.... – зачем то соврала Фелицата. – И хотя мое имя известно лишь в малых кругах, однако я получила множество хвалебных отзывов, так что, отказ этого «скромного» и «небольшого» издательства, не мог меня расстроить, скорее он не имел для меня никакого значения, – словно это не она час назад кубарем скатилась с лестницы издательства. И как часто бывает рассказ, начавшийся с маленькой лжи, превратился в целый роман обмана, но Фелицату было уже не остановить.

– Даже так? – удивленно переспросил Капитанов. Аркадий Вениаминович смотрел с полуулыбкой на всю это наивную браваду, на губки сложенные бантиком и лихорадочный блеск голубых как весеннее солнце глаз, пунцовые не то от гнева, не то от мороза щеки и понимал, что готов слушать эту глупую нелепицу и час и два, а может и целую вечность.

– Обидно лишь одно, – продолжила Фелицата, – нет, не отказ, как вы наверняка поспешили подумать, обидно, что они даже не читали мою рукопись! – воскликнула она, не в

силах больше сдерживать свой гнев, но быстро спохватилась и заключила: – Впрочем, едва ли мне до них есть дело.

– Не читали???? – искренне удивился Аркадий Вениаминович. – Разрешите полюбопытствовать, с чего вы это решили? Может вы ошибаетесь?

– Нисколько, ни тени сомнения! Не читали! Уж поверьте! И понять это было не сложно! – воскликнула Фелицата. Она, конечно же, умолчала, о том с чего все началось, и о варенье, впервые пролитом на рукопись и о том, что «Товарищество скоропечатни А.В. Капитанова» было уже десятым издательством куда она нанесла визит. Словом, она опустила все факты, которые бы выставили ее в дурном свете, а изложила лишь самую суть событий, не забыв упоминать как она умна, и сообразительна, и как она ловко склеила листы рукописи, которые и позволили ей понять, что никто не удосужился ее даже прочитать. Кроме того, редактор издательства, был так самоуверен и недружелюбен, что даже не попытался скрыть сей постыдный факт.

– Так, так..., – все что смог сказать, сбитый с толку Капитанов. – Чего-чего, а такой развязки он не ожидал. Стало быть, не все шестеренки, двигались в его издательской машине безошибочно, как он наивно полагал. Что ж, этот ушат холодной воды явно пошел ему на пользу. Он словно впервые в жизни, увидел праздничный пирог в разрезе, и с удивлением обнаружил, что внутри он выглядит не так празднично как снаружи, коржи не пропеклись, начинка не вкусная и

не сладкая... А главный шеф-повар, так увлекся самолюбованием, что потерял чутье.

Фелицата удивленно посмотрела на своего попутчика, он казался расстроенным и удрученным, право слово, какой благородный господин. Так близко к сердцу принял ее историю.

Но экипаж остановился, в окнах отчего дома все еще горел свет, стало быть маменька с папенькой ее дожидаются, ох и браниться будут... Но, пора было прощаться.

– Анатолий Валентинович, я вам безмерно благодарна, вы меня спасли и от грусти от стужи, не знаю даже, что из этого опаснее. Спасибо Вам, за все, – поблагодарила его Фелицата.

Но тот, погруженный в свои мысли и думы, казалось, ее уже не слушал.

– Да, да, – дежурно ответил Капитанов.

– Спасибо Вам. И прощайте, – попрощалась Фелицата, но не увидев в знакомом незнакомце ни капли заинтересованности, самостоятельно выпрыгнула из экипажа и тотчас скрылась в проулке, словно спасая себя и сердце в придачу.

– Прощайте, – машинально ответил Аркадий Вениаминович. Думы об издательстве и ошибки в управлении придавили его не хуже мешка с мукой, он думал о возможных упущенных талантах, и о том, уж не потерял ли он чутье в деле, а ему это могло дорого обойтись, ох, как дорого. Тревожные мысли заняли весь его разум и поработили тело, так что когда он очнулся от оцепенения, то понял, что остался

один, а прелестной девушки Фелицаты, яркой, дикой и буйной, словно цвет шиповника и след простыл, а кругом лишь снег и холод, да замерзший извозчик дремлет на козлах. Вот и вся его компания.

– Ну что за глупец! – вскрикнул Капитанов и хлопнул себя по лбу, что есть силы, затем выругался бранно, не хуже испанского корсара. – Не договорился о встрече, стоял, молчал, думал, о чем думал? О работе! Да и черт с ней, пропади она пропадом! Упустил, потерял, прошляпил, ну что за глупец! Ей Богу! – сокрушался Капитанов.

– Ефим, вези домой! – раздраженно крикнул припорошенному снегом извозчику издатель.

– Ваше благородие, – встрепенулся тот. – А как же типография? Разве не воротимся? – удивленно спросил извозчик.

– Да черт с ней, с этой типографией, – зло ответил Капитанов. Как вдруг его пальцы нащупали увесистую стопку чуть влажных листов бумаги. Сердце учащенно забилося, возликовало и воспарило. Рукопись! Спасение!

Он поднес листы к тусклому свету уличного фонаря и медленно, словно растягивая удовольствие прочитал: Фелицата Фетисова роман «Путеводная звезда». Затем посмотрел на небо и мерцающие звезды, немые свидетели его счастья и грусти, и понял, что только сейчас, едва ли не первый раз за годы смотрит на звезды просто так, не ради того, чтобы понять будут ли осадки или далеко ли до сумерек, а красоты ради и с сожалением подумал, о том, что действительно стал

и глух и слеп, и не только в делах рабочих.

Две недели прошло с того злоключения в издательстве, никогда еще в своей жизни Фелицата не была так опустошена. Вначале она жила романом, затем жила борьбой за его издание, но потерпев сокрушительное поражение, оказалась свободна, но вместе с тем, не знала что с этой свободой делать. И теперь, смотря на то, как надежды и стремления всей ее жизни были разбиты вдребезги, Фелицата потеряла веру в себя и смысл жизни. Две недели она слонялась не причесанная из угла в угол, лишь изредка выбираясь на улицу, да и то лишь в сад, родители конечно с болью смотрели как их «цветочек», как ее любя называл батюшка, понемногу увядает, но едва ли, могли что-то с этим поделать.

В то утро она встала поздно, в районе обеда, и наскоро умывшись и одевшись, прошла в гостиную, все уже конечно давно встали, а остывший обед, любовно был укутан в полотенце и ждал ее на столе. Она лениво потянулась, подошла к окну.

– Хмарь, да серость, снова оттепель, но проку в том мало, уж лучше мороз, хотя бы голова не чугунная, – проворчала Фелицата. – Сейчас бы написать все это в своей книге, но к чему, если никто не читает, Ей Богу, все пустое... – заключила она и сердито зашторила занавески.

Из кухни вышел толстый камышовый кот по кличке «Карлос», названный в честь бесстрашного испанского корсара, героя ее романа. Он скептически посмотрел на нее, постоял

немного в проеме, но не найдя ничего для себя интересного, что-то мякнул на своем кошачьем и скрылся из виду.

– Ну и ступай, – капризно бросила ему вслед Фелицата. Сегодня она была вновь обижена на весь мир, а нежелание кота посидеть у нее на коленках, восприняла как личное оскорбление.

Проголодаться она еще, конечно же, не успела, но час был обеденный, а значит было надобно обедать. Фелицата только сейчас поняла, что в доме кроме нее и Карлоса никого. Не имея ни малейшего представления, куда делись родители, впрочем, до рождества оставалось не так уж много, а они люди не молодые, так что, к любому событию относились обстоятельство и со всей ответственностью, словом, скорее всего, ушли за покупками. Фелицата, была даже рада побыть наедине со своими мыслями, последнее время все слова утешения, вызывали в ней лишь одно расстройство, так как лишний раз напоминали о том, как ее корабль надежд разбился о скалы реальной жизни. Пододвинув к себе тарелку с кашей, она только сейчас увидела конверт с незнакомой печатью, по всей видимости, матушка оставила его ей для прочтения, верно что-то важное.

– Хм, – подумала Фелицата, прочитав свое имя и фамилию в графе адресат. Она хотела было распечатать письмо, но кто-то его уже открывал, а затем вновь неумело склеил, – Ах, матушка, матушка, – пожурела про себя мать Фелицата. Достав письмо, она нетерпеливо начала его читать:

«Уважаемая Фелицата Александрова Фетисова!

«С радостью сообщаем Вам, а также спешим перед Вами извиниться! Нашим издательством допущена вопиющая ошибка, Ваша рукопись «Путеводная звезда» была по недосмотру принята за другую, не прошедшую наш строжайший отбор. Что касается Вашего романа, то мы еще раз его прочитали, и он произвел на нас сильнейшее впечатление. Посему рады предложить Вам сотрудничество, а именно издание Вашего романа, согласно правилам и срокам принятым в нашем издательстве.

За дополнительной информацией, а также подписанием документов, просьба как можно скорее обратиться в редакцию издательства «Товарищество Скоропечатни А.В. Капитанова»».

А.В.Капитанов

Письмо сумбурное, и странное, но едва ли Фелицата заметила это. Казалось, если бы в этот самый момент ее спросили, что она чувствует, едва ли она смогла бы связать и пары слов, тогда как в обычное время, да и в любой ситуации была красноречива и многословна, не даром же, писательница. Все, что она раньше принимала за радость, не шло ни в какое сравнение, с тем чувством, что она испытывала сейчас, то были лишь отблески счастья, теперь то она знала это наверняка. Оцепенение сменилось фейерверком чувств, она визжала и кричала, бегала по комнате, целовала письмо, вдыхала запах чернил и типографской бумаги. И не теряя времени,

собравшись за считанные минуты, впрочем, она и раньше не слишком то уделяла внимание гардеробу, отчего выглядела, либо странно, либо неуместно, либо и то и другое сразу, выбежала на улицу.

К своему счастью, никого из знакомых, ей не посчастливилось увидеть по дороге, так как вид у нее был, немного чудоковатый, шляпка сдвинулась на глаза, из-за чего она с трудом разбирала дорогу, а пальто с застегнутыми не по порядку пуговицами, тянуло вниз, но разве ж сейчас это имело значение, когда перед глазами забрезжил пьедестал славы, а праздничные фанфары звенели в ушах.

Об экипаже не могло быть и речи, разве же она смогла бы усидеть на одном месте, пешком на крыльях счастья она доберется до типографии быстрее самой скорой тройки лошадей.

Пока она бежала, не разбирая дороги, отчего чуть не сбילה пару – тройку прохожим, в голове, словно поздно проснувшаяся осенняя муха зародилась тревожная мысль. Мысль та была до конца не ясна, но навязчива и неотступна. Она из всех сил пыталась придать той мысли форму, гоняясь за ней с импровизированной мухобойкой, но все тщетно. Раздражение нарастало, а радость сменялась дурным настроением. Она покусывала то нижнюю губу, то верхнюю, то морщила лоб, то прищуривалась, то так ее, то эдак, никак не идет, но и не уходит. Жужжит и жужжит.

Вот и знакомая кожевенная лавка, значит она уже рядом.

Но как только она очутилась, перед знакомой вывеской, и как две недели назад посмотрела вверх, мысли начали обретать ясность и последовательно выстраиваться в прямой логический ряд. Фелицата снова посмотрела на ступени, воскрешая в памяти тот день, когда она позорно кубарем слетела вниз, вспомнила она обворожительного господина, в которого до сих пор была немного влюблена, хотя обычно все ее влюбленности длились не дольше простуды. Как вдруг, события того вечера закрутились в голове как в калейдоскопе, пока наконец не сложились в правильную мозаику. И о Боже!!!!!! Рукопись! Она ее оставила в экипаже! А в письме было написано «мы ее ЕЩЕ раз прочитали». Анатолий Валентинович Капитанов! А.В.Капитанов! Него-о-о-одяй!!!!!! – завопила она, стоя посередине мостовой. Если бы сейчас в том месте были голуби, то они бы непременно взлетели ввысь, олицетворяя собой кульминацию той самой драмы, которая сейчас разворачивалась в душе Фелицаты, но голубей не было, а была лишь зимняя тишина, да стук колет по мостовой.

А дальше все как в тумане. Лестница, пролет, лестница, коридор.

– Где кабинет, «многоуважаемого» Аркадия Вениаминовича? – спросила она первого попавшегося работника, тоном, впрочем, не требующим ни возражений, ни отказа.

– Барышня... – замешкался тот, явно сбитый с толку напором странно одетой дамы, но в целях самосохранения ука-

зал на последний кабинет по коридору, затем спохватился и устыдившись своего предательства продолжил: – но барышня, к Аркадию Вениаминовичу никак нельзя, он не один, он занят, там все сплошь важные господа, – а в глаза стоял неподдельный ужас.

– Хм. Как же, занят он! Ничего! Освободится! – безапелляционно заявила Фелицата и решительным шагом направилась в кабинет Капитанова или КапитОнова, как он сам того пожелает.

Работник типографии, наблюдавший за тем как разворачиваются события, понял, что разглашенные секретных сведений даме, имеющей намерения явно враждебные, может ему дорого обойтись, так что ни минуты не мешкая быстро скрылся в типографском шуме.

Рывком открыв дверь, Фелицата с порога завопила: – Презренный обманщик!

В кабинете воцарилась тишина, а три пары мужских глаз удивленно устремились на нее.

В его же глазах, она прочла такое негодование и ярость, которое по силе могло затмить даже ее злость. Словно придя в сознание, Фелицата поняла, как неподобающе выглядит ее вторжение и эти крики, словно из дешевой уличной пьесы. Краска позора залила ее лицо, а губы скривилось от горького чувства стыда и обиды на саму себя. В погоне за славой, она сама, своими руками навлекла на себя бесславие.

– Я... прошу... прощения, – прошептала она, с трудом

выговаривая слова, и даже согнулась в странном ни на что не похожем реверансе, по всей видимости, выражающем крайнюю степень стыда.

– Фелицата Александровна, подождите меня в редакции. Я через несколько минут освобожусь, – сказал он холодно, но галантно.

– Господа, – обратился он к мужчинам. – Прошу прощение за сей конфуз. Писатели, они, знаете ли, народ эмоциональный, а уж писательницы... – и он многозначительно закатил глаза к небу.

Фелицата вспыхнула, но теперь снова от гнева, вот только на этот раз она смолчала и предусмотрительно скрылась за дверью, толи, опасаясь его, толи, боясь не совладать с собой.

К счастью, ждать пришлось не долго. Вскоре господа покинули кабинет, попутно кидая в ее сторону, кто удивленные, а кто откровенно осуждающие взоры, от чего даже Фелицата, не отличающаяся ни скромностью, ни стеснительностью, стыдливо опустила глаза. Теперь то она понимала, что стыд, который она испытывала, когда родители журили ее, не шел ни в какое сравнение, с тем жгучим, как красный перец чувством, которое она испытывала сейчас.

Она не предприняла попытку вновь прорваться в кабинет силой, даже ей было понятно, что следует дожждаться приглашения, а иначе, расстановка сил грозит измениться, и из оскорбленной жертвы она превратиться в обидчика, а женская интуиция подсказывала, что выиграть в бою с мужчи-

ной легче тогда, когда тот уверен в полной своей виновности, и не дай Бог дать ему повод усомниться в этом.

Словом, к тому времени, когда дверь открылась, а он вкрадчиво попросил ее зайти, она обрела уверенность в себе и посмотрела на Капитанова со всей силой уничижения, на какую только была способна и шагом полным достоинства горделиво вплыла внутрь, будто бы это не она минуту назад ломилась в дверь, а прорвавшись, была бесцеремонно выставлена. Теперь все выглядело так, словно вот уже битый час он просит ее зайти, а она делает ему одолжения лишь милосердия ради, воистину, то был великий женский дар.

– Присаживайтесь, – сухо продолжил Капитанов, указывая на стоящее подле его письменного стола кресло.

– Да нет уж, я постою, – ответила Фелицата, и отвернулась, не делая попыток начать разговор.

Минуту, три, пять. Тишина.

– Вы, кажется, только что едва не выбили дверь, словно пьяница в кабаке, а теперь молчите, и даже взором меня не достаиваете, – не выдержал и прервал молчание Капитанов, – ежели вы так торопились, что не могли и минуты обождать, тем странно ваше молчание.

И опять тишина.

– Ей Богу, я вас женщин, не пойму, бесновались, кричали, будто кошка дикая, верно сказать, что-то хотели. А пусть вас подобра, молчите. Ну, хорошо, – продолжил он, не дожидаясь ответа. – Смею предположить, Вы догадались, что я

и есть тот самый презренный издатель по фамилии Матросов, а та самая ржавая бригантина и есть мое издательство «Товарищество Скоропечатни А.В. Капитанова», а простите, запомнил А.В. Матросова! Но я не это желал сказать, в общем, приношу Вам свои извинения. Не хотел начинать знакомство со лжи, но вы так были удручены, и так злы в первую нашу встречу, впрочем, во вторую не меньше, – засмеялся он, но быстро прекратил, увидев, что шутка, едва ли пришлась ей по вкусу. – Скажу по чести, не посмел я в тот вечер, признаться Вам кто я. Не посмел.

И опять в ответ ни слова.

– Конечно же, это было не правильно, и ничто меня не оправдывает, но право слово, уж не четвертовать же меня за это. Бывают в жизни и куда худшие прегрешения, а грехи во имя добра, это знаете ли и не грехи вовсе. Но опять же, прошу меня простить. Не следовало так поступать, не следовало.

– Мне до вашего фарса, нет дела! – отрезала Фелицата, и вновь отвернулась от него, будто он был так ужасен и уродлив, что она боялась ослепнуть или превратиться в камень от одного лишь его вида.

– Позвольте же, ежели, Вам до этого нет дела, тогда и во все нам спорить не о чем, – удивленно пожал он плечами. – Примите извинения, и дело с концом.

– Вы, пользуясь своим служебным положением, желаете напечатать мой роман, отнюдь не из чистых соображений! Вы верно желаете получить мое расположение, таким бес-

честным способом! Презренный!!!! – вскрикнула она, испепеляя его взглядом. О, если бы взгляд мог убивать, то он тотчас бы умер, вот здесь, как есть, на этом самом месте.

Он громко расхохотался, хотя едва ли искренне, скорее притворно. А в Его глазах, до того смотревших сквозь пальцы на проделки Фелицаты, будто она не более чем разбушевавшегося дитя, начали закипать и гнев и ярость. Аркадий Вениаминович, конечно же, не в пример своему оппоненту, за годы жизни научился управлять гневом, злостью и яростью, будто тройкой лошадей, но, позвольте же, всему есть предел, ее высокомерие и острый язык, грозили разрушить стену самоконтроля, которую он научился возводить вокруг себя от разного рода посягательств.

– Не льстите себе! – выпалил он. – Поверьте мне, и как издателю, и как мужчине, Ваш роман гораздо интереснее, чем Вы сами! И замечу, я неплохо разбираюсь и в том и в этом! Скорее наоборот, я может и потерял чутье в деле издательском, но уж в дамах, поверьте, я знаю толк, – заключил он, самодовольно улыбаясь.

Он ожидал, что его слова заденут ее за живое, и уже приготовился уворачиваться, если дело дойдет до метание в него различных предметов, ибо не исключал, что она может запустить в него чем-нибудь тяжелым, и со страхом подумал, что вот того мраморного коня, не следует держать так близко у двери, где и стоит разъяренная барышня.

Но вместо этого, лицо Фелицаты осветилось, будто у бла-

женной.

– Вам понравился мой роман???? – выдохнула она.

Вот и пойми этих женщин, – подумал Аркадий Вениаминович, окончательно сбитый с толку, и в недоумении почесал себе затылок, отчего вид приобрел слегка глуповатый.

– Конечно, – просто ответил он.

– И вы поэтому решили его напечатать? – с надеждой в голосе спросила Фелицата, словно не веря свои ушам.

– Конечно, – повторил Капитанов, чей огромный словарный запах истощился буквально за минуту, и среди тысячи слов, он мог вспомнить, только «да» и «конечно», ну может еще «всенепременно». Как дурно, право слово, действует на него эта женщина.

– Тогда простите меня! – запальчиво начала Фелицата, а ее глаза, казалось, увлажнились, и стали напоминать чуть подтаявший лед на глубоком и чистом озере, – я все не так истолковала, я знаете ли вначале делаю, а потом думаю, мне право слово так неудобно, как же я об этом сразу не подумала, да что же это такое то! – и она стыдливо начала заламывать себе руки.

Капитанов окончательно сбитый с толку, почти лишился речи, но с невероятным усилием взяв себя в руки, смог выдать из себя. – Конечно. – И больше ни слова.

– Так куда мне пройти для заключения договора? – спросила Фелицата, невинно хлопая ресницами.

– А... а...а..., в редакцию, кабинет 27, аккурат там Спи-

ридон Федотович Вам все объяснит, а так корректура, редактура, ну сами знаете, вы человек уже опытный. В общем, – как жаль, что нельзя вечно говорить слово «Конечно», – подумал Аркадий Вениаминович, так и не обрета красноречие.

– Хорошо, я все поняла, усвоила, учла, все сделаю, буду тише мыши, не слово лишнего, все что будут говорить, буду делать без нареканий и спора, не бойтесь за меня, я хотя и не произвожу впечатление барышни сдержанной, но все таки когда надобно, смогу смолчать, – заключила она, пятясь к двери.

Фелицата уже почти вышла, когда вдруг резко обернулась, и пристально посмотрев на Капитанова, спросила: – Аркадий Вениаминович, не сочтите за дерзость, разрешите спросить, а какой Вам момент в книге понравился больше всего?

Ни минуты не мешкая, он ответил: – Как Карлос Парго, после сокрушительного шторма, и погибельного штиля, измученный и обессиленный, потеряв всякую надежду и веру на спасение, находит свой дом, лишь тогда, когда сдается на милость судьбы и следует за звездами, – и улыбнулся. – Точнее за одной, что светит ярче других.

Дыхание Фелицаты на минуту остановилось, она смело посмотрела в его умные глаза, но тотчас, будто устыдившись своей дерзости, отвела взгляд и скрылась за дверью, оставив его и смущенного и раздосадованного и счастливого одновременно.

Окунувшись в творческий, а по большей части техниче-

ский процесс Фелицата не заметила как пролетело три недели, вот уже послезавтра рождество, а ей и дело до того нет. Книга, книга, книга, вот чем были заняты все ее мысли.

И сейчас, в столь поздний час, заметив как недовольно и недружелюбно смотрит на нее Афанасий Иванович, она в сотый раз сделала вид, будто этого не замечает и продолжила:

– Как вы считаете, какое следует лучше использовать прилагательное: «фатальный» или «роковой»? – спросила она, скользя пальцами по листу бумаги, сплошь в зачеркиваниях, исправлениях или странных сносках, отчего рукопись, больше походила на карту поле боя, нежели на роман.

Но Афанасий Иванович уже не слушал, он посмотрел на часы, и уже хотел было прервать сумасшедшую девицу, как его опередили.

– Фелицата Александровна, да уймись же вы, наконец, несчастный Афанасий Иванович, человек интеллигентный, оттого и терпеливый, но каждому терпению свой срок! – воскликнул Аркадий Вениаминович, входя в кабинет редактора.

Афанасий Иванович тотчас подскочил как ужаленный и начал кланяться: – Аркадий Вениаминович, право слово, не стоит Вам волноваться, я право слово и рад поработать, мне вот, предложи отдохнуть, а я не хочу, да я и не устал.

Аркадий Вениаминович громко засмеялся и сказал: – Полно, полно Вам голубчик, ступайте лучше домой, рождество скоро. Не гоже, на поводе у дам идти, у них знаете ли

энергии, на целую типографию хватит, а мы с Вами голубчик уже не молоды, так что ступайте, я вас отпускаю и освобождаю из плена, Фелицаты Александровны, которой, к слову и самой уже пора, час поздний, – назидательно заключил он, посмотрев на Фелицату почти с отцовским укором.

Не потребовалось и секунды, как ее щеки вспыхнули от раздражения, уж что-что, а замечания в свой адрес Фелицата не любила, ох, как не любила. Но теперь они с Аркадием Вениаминовичем были не равны, начальник он и есть начальник, вот, станет знаменитой, прославится роман, тогда можно будет и возражать, а покамест, следует попридержать свой гнев в узде.

Только она хотела поблагодарить Афанасия Ивановича, как его уже и след простыл, и как это он умудрился преодолеть столько лестничных пролетов за минуту, верно, слишком домой хотел, – рассмеялась про себя Фелицата.

Попрощавшись со сторожем, она вышла из типографии, и уже было намеревалась направиться напрямик домой, как вдруг, вновь столкнулась на крыльце с Аркадием Вениаминовичем. То как он выглядел и как стоял, как никогда соответствовало его фамилии. Ноги широко расставлены, словно стоя на борту корабля он безуспешно боролся с качкой, сшитый на английский манер синий сюртук, напоминал морской, а в его глазах плясали дьявольские огоньки, будто бы в его намерения входило не что иное, как взять на абордаж, ни в чем не повинное и не подозревающее ни о чем, граж-

данское судно.

– Вы меня напугали, – выдохнула Фелицата от неожиданности.

– Простите Фелицата Александровна, не хотел Вас пугать, – впрочем, едва ли в его темных как морские глубины глазах читалось раскаяние. – Час поздний, – продолжил Капитанов, – не стоит барышне добираться одной, ежели бы я знал об этом раньше, никогда бы не позволил Вам засиживаться допоздна, словом давайте я вас подвезу. Мой экипаж к вашим услугам. Тем более, вам он уже знаком, словом со мной вы в безопасности, – сказав все это Аркадий Вениаминович лукаво улыбнулся и словно в подтверждении сказанных слов, подкрутил вверх свой рыжий пиратский ус.

– Пожалуй, даже ночью, в самых темных закоулках Петербурга мне будет безопаснее, нежели с вами, – фыркнула Фелицата, пытаясь его обойти справа.

– Вы, Фелицата Александровна, барышня с характером, и мне, безусловно, это по нраву, вот только ваш неукротимый дух, будто джин в бутылке, оттого и заточен в нее, что ежели, окажется на свободе, то едва ли кому-то это пойдет на пользу, включая его самого, уж крайне разрушительную силу он имеет. Так, что для вашего же блага, разрешите мне вас довести в целости и сохранности до дома, тем более, пользуясь положением, напоминаю, что я все еще Ваш издатель, стало быть, силы наши не равны. Тем более, что в силу своего положения, какую-то ответственность за Вас все же я несу, –

твердо закончил он тоном, не требующим возражений.

– Правильно ли я вас понимаю, что Выбора вы мне не оставляете? – воскликнула Фелицата, впрочем, не слишком рьяно.

– Считайте, как Вам будет угодно, но приказ, а точнее пожелание, выполняйте, – и он указал рукой, на стоящую неподалеку бричку.

Но Фелицата сдаваться, как мы уже знаем, без боя не любила, так что решила, уж если и соглашаться с конвоем, то лишь на своих условиях.

– Так уж и быть, позволяю Вам меня проводить, вот только пешком, посмотрите какой полумесяц, а как тепло, грех не пройтись. Следовательно, в экипаж не сяду, и не просите, вот и извозчик Ваш так сладко дремлет, – задорно засмеялась она, глядя на то, как тот уснув, почти сполз с козел, и вот-вот, готов был свалиться на мостовую. – Не гоже его беспокоить, так что или пешком вместе, или пешком одна. Выбор у Вас не велик.

– Вот что за человек! – воскликнул Капитанов, обернувшись и посмотрев с восхищением на своего извозчика, – может спать в любом месте и в любом положении, бывало, отлучусь на минуту, а он уже спит, и когда успел? А вообще, славный извозчик, молчаливый, и надежный, немного диковат и со своей правдой, но право слово, человек со своей правдой лучше, чем человек совсем без правды, – заключил он. – Но как скажете, Фелицата Александровна, пешком так

пешком, сегодня ваш вечер.

– Отчего же мой? – удивилась Фелицата, но не только тому, что сегодня ее вечер, но и тому, как он быстро принял ее условия, обычно она привыкла, к ожесточенной борьбе в отстаивании своих интересов, так случилось с ее родителями, так случилось и с окружающими. А тут услышал и согласился, и попусту не спорил, верно, и впрямь чудесный вечер, волшебный. Уже который раз Фелицата подмечала, как много у него прекрасных черт. В тот самый вечер, когда он выдал себя за другого, вначале ее это разозлило, но потом, все обдумав, она пришла к выводу, что он поступил благородно, оберегая ее чувства, смиренно снося критику, в адрес его издательства, которую она щедро изливала в потоке праведного, но разрушительного гнева. Затем, прочитал ее роман, услышал ее и понял, а в том, что роман пришелся ему по душу, она даже не сомневалась, и хотя аргументов в пользу этого не находила, но чувствовала сердцем, а это ли не веский довод. Он был способен признавать свои ошибки, другие, посчитали бы это за слабость, а она признавала за подлинную силу. И даже теперь, она семенит маленькими шажочками, а он не спешит вперед, не тянет ее, а приноравливается, и ей стало так спокойно на душе, опираясь вот так, о его сильную руку, и этот мужской твердый шаг, размеренный, спокойный, она большее не боялась, что ее унесет ветром, как те листы той самой рукописи, в тот самый день знакомства. К тому же он был не дурен собой, и она

украдкой посмотрела в его сторону, боясь быть застигнутый за столь нескромным занятием, пришлось, повернуть голову чуть вправо, а затем вверх, так что она стала похожа на любопытную синичку, заглядывающую в окно, для того, чтобы убедиться, что сытый, но все еще опасный, камышовый кот крепко спит. Он и впрямь походил на камышового кота, чего только стоили его рыжеватые усы, казавшиеся в вечернем свете почти золотыми, и так надежно скрывающими как улыбку, так и недовольство.

– Фелицата Александровна, – начал он разговор, – всегда хотел полюбопытствовать, отчего Фелицата? Имя красивое, но редкое...

– Ответ прост, – засмеялась она, – святцы, вот беда, день моего рождения, 7 февраля, вот и Фелицата, не лучшее имя, но и не худшее, вот родись я в другой месяц, скажем 7 октября и быть мне Феклой... так, что перед тем как роптать на то что имеешь, всегда надобно подумать, не только об упущенном хорошем, но и о не настигшем тебя дурном.

– Верно вы говорите, Фелицата Александровна, верно, – задумавшись заключил Капитанов.

– И потом Фелицата с латинского означает «счастье», родители говорят это имя мне чрезвычайно подходит, и я, знаете ли, склонна им поверить.

– И с этим нельзя не согласиться, – вновь заметил он, улыбнувшись.

– Коль уж вы мне задали вопрос, значит, справедливо бу-

дет и мне задать вам, а вам, честно на него ответить, – хитро, словно кошечка промурлыкала Фелицата.

– Ох, не знаю, не знаю, Фелицата Александровна, чувствую я, ваши вопросы будут не так невинны, как мои, зная ваше любопытство и пытливый ум, боюсь, и допрос в царской канцелярии, мне сущей ерундой после этого покажется, – засмеялся Аркадий Вениаминович.

– Полно Вам лукавить, не пристало коту мышки бояться.

Капитанов на это громко засмеялся, затем посмотрел на нее пристально, и махнув рукой, согласился, – Ваша взяла, задавайте. Уж пропадать, так весело.

И если до этого, в голове Фелицаты, крутились сотни незначущих вопросов, кои она хотела задать, исключительно поддержания разговора ради, то теперь она решила спросить его действительно о чем-то важно и существенном.

– Отчего печатное дело? – спросила она.

Он удивленно воззрился на девушку и ответил: – Какой неожиданный вопрос, хочу я вам сказать, я ждал, честно признаюсь, чего-то более личного, но уговор есть уговор. Раз задали – отвечу. Никогда не мечтал заниматься этим делом, никогда о нем даже не думал, но так случилось, и судьба завела меня туда, где я сейчас, и только теперь я понимаю, что я именно там где быть должен, и что порой, нам кажется, что мы созданы для одного, но этом нам лишь кажется, – заключил Капитанов.

– Ваш ответ ей Богу в рамку можно повесить, в качестве

примера, как ответить, не отвечая, и наперсточник на улице справился бы хуже, – ехидно заметила Фелицата.

Капитанов снова рассмеялся, затем продолжил, – ну ежели хотите правду, вот вам, правда, я мечтал стать военным, но не получилось, и теперь, с высоты прожитых лет, я понимаю, что самое лучшее, что со мной могло случиться в жизни, это то, что мои мечты и желания не сбылись. Я был молод, и мало что знал о жизни, я был наивен. Так что судьба, вопреки моим желаниям, привела меня в печатное дело, и я благодарен, так как, только теперь понимаю, что я именно там, где должен быть, на своем месте, и на этом самом месте я счастлив. Был бы я счастлив, сложись моя военная карьера, едва ли. Но в издательстве, я счастлив, и пусть, я недостаточно талантлив, чтобы писать, но достаточно талантлив, чтобы разглядеть дарование, искру божью в слове, а, знаете ли, это не так-то просто. Просто увидеть талант, когда все кругом кричат: «Вот, талант! Держи его», а ты, поди, разбери талант, сам, без подсказки, найди алмаз среди миллиона ничего не стоящих камней, – и он многозначительно посмотрел на нее.

Фелицата покраснела и смущенно отвела взор, теперь она получила ответ на свой вопрос с лихвой.

Они шли медленно, то растворяясь в темноте, то выходя на теплый свет фонарей, не замечая ни людей, ни зданий вокруг, не желая скорого конца пути, и оттого, наслаждаясь каждым шагом, и каждым словом, сказанным друг другу.

– Стало быть, теперь моя очередь задавать вопрос? – спро-

сил Аркадий Вениаминович.

– Стало быть, Ваша, – с несвойственной ей покорностью согласилась Фелицата.

– Отчего в Вашем романе Эстефания Суарес, не приняла предложения Карлоса Пардо, несмотря на то, что полюбила его всем своим сердцем? Я перечитал три раза, но так и не нашел, препятствий, отчего два любящих сердца, не могут быть друг с другом?

– Она любила его, а он любил море, союз в котором чувства женщины сильнее чувств мужчины обречен разбиться о скалы.

– Как вы мудро рассуждаете, Фелицата Александровна. Откуда же вы это знаете? – спросил он, пристально посмотрев в ее голубые широко открытые глаза, а все тело его было до странности напряжено.

Она громко засмеялась, но взор не отвела. – Ежели бы мой батюшка, не любил так сильно мою матушку, то непременно бы заметил ее вздорный характер, а так он слеп, и в этом его счастье.

– А матушка, разве она не замечает дурных качеств батюшки?

– Замечает, женщина то, как раз все и замечает.

– Но как же она тогда все еще любит, примечая все дурное?

– А как раз это женщине любить и не мешает, – сказала Фелицата, засмеявшись. – Но мы на месте, – и она отчего

то безрадостно посмотрела на отчий дом и на свет в окошке, где ее наверняка уже заждались. – Спасибо, что проводили меня, Аркадий Вениаминович, никогда право слово, я не преодолевала этот путь с такой легкостью как сегодня, и никогда еще он не казался мне так короток. И все же мне пора, – и она уже намеревалась уйти, как вдруг он остановил ее, поймав запястье, и нежно, но настойчиво привлек к себе.

– Поймите, игра есть игра, я задал вам свой вопрос, теперь Ваша очередь, я человек чести, стало быть, не могу отпустить Вас, не удовлетворив Ваше любопытство в полной мере, – голос его слегка охрип, только он сам не знал, отчего, толи от холода, толи еще от чего-то.

Фелицата с любопытством посмотрела в его темные глаза, открывая в них для себя что-то новое, в их странном глянцевом свечении. Их немая мольба, заставила ее остаться, но все же она деликатно высвободила свою руку их жаркого плена его ладони.

– Что привлекло Вас в моей рукописи? Почему именно ее вы заметили, среди сотен других?

– В ней Ваша душа, – без промедления ответил он, сделав шаг навстречу, так что теперь они стояли так близко, что ему казалось, он мог услышать даже стук ее сердце, а может это его сердце, несло галопом, обгоняя время и ветер, в пугающую, но манящую неизвестность.

– Теперь Ваш вопрос, – чуть дыша, прошептала Фелицата.

– Нет, теперь мой ответ, – и притянув к себе, он нежно ее

поцеловал.

Фонари погасли, в кромешной тьме остались лишь небесные странники, озаряющие объятия влюбленных, мерцая в ночи своим холодным вечным блеском.